

Дом при шлюзе

Зарисовки внутренней жизни

Andrea Calò

ГЛАВА 1

ГЛАВА 1

Любой свободный дух несет в себе мечты и безумие.

[Неизвестный автор]

Я все время задаю себе вопрос, сколько травинок можно насчитать на квадратном метре земли. Вопрос простой, да не прост ответ. Надо принимать во внимание слишком много переменных: на каком поле этот кусочек земли, какие травы на нем растут, сколько их видов, разновидность почвы и так далее. Вот лишь некоторые из многочисленных возможных вопросов. Поэтому я всегда избегал каких-либо попыток углубить эту тему, я убедился, что в конечном счете не так уж и важно добраться до сути. Жизнь свою я классифицировать никак не сумел, я определил все в архив в раздел «бесполезные знания». Было бы здорово знать все про все! Но было бы и опасно, что до меня, я оказался бы в полной власти неуверенности в какой бы то ни было ситуации моей жизни. Со слишком многими переменными в моем распоряжении любой возможный выбор повлек бы за собой противоположный вариант, настолько же приемлемый и принимаемый во внимание, это замедлило бы принятие решения, и у меня все равно в конце осталось бы сомнение, верен ли мой выбор. Чутье отключилось бы в пользу разума, который не всегда есть самое подходящее средство на все случаи жизни, способное подвести к правильному решению. А к тому же понятие верного выбора и вовсе относительно и увязано с личностью, с жизненным опытом, с историческими передрыгами. И задается оно, к сожалению, местными модами, обществом и религиями, без всяких различий. Формируются личности, которые приспособляются к «системе», а надо бы делать совсем наоборот. Я прожил бы свою жизнь маленьким человечком, который стоит посреди загона и привязан к нему бессчетными резинками. Я смог бы передвигаться, не выходя из выделенного мне пространства, но никогда не вышел бы за его

пределы, при каждой моей попытке разглядеть или изведать что-нибудь «по ту сторону» забора меня все время тянуло бы в середину. И вот я решил предназначить свои нейроны для чего-нибудь такого, что действительно важно в жизни. А что действительно важно? Вот еще одна совершенно относительная концепция, связанная с личными приоритетами, со стимулами, с ощущениями, с эмоциями каждого из нас. Отравить мозг легко. Доведя его до предела, мы обязаны остановиться и взглянуть внутрь себя, открыть себя заново и задуматься о настоящем, не придавая большого значения прошлому, которое привело нас сюда, чтобы с покоем в душе предначертать наше ближайшее будущее. Если надо, поменять курс и хорошенько очиститься. Не стоит забегать слишком далеко, размышляя и строя планы, потому что слишком многое не поддается контролю, слишком многое играет нами, слишком многое мы совершенно не в состоянии предсказать в тот момент, когда заглядываем себе в душу и беседуем с нею. Все это неисповедимо. Менять надо! Я говорю не о всего лишь косметической подрисовке, я говорю об изменениях глубоких, радикальных и безотлагательных, таких, которые способны докопаться до глубины глубин нашего естества, до туда, где засела сама суть нашей души, где человек встречается с божественным во всех его проявлениях и названиях. Стереть все и начать с нуля, вот в чем вызов. Но он также прост, как угадать точное количество травинки на квадратном метре земли.

У неба Бургундии особый свет, цвет его обволакивает и захватывает даже при ненастной погоде. Если остановишься и уляжешься на траву полюбоваться им, обратив взор ввысь, небо нисходит на тебя и окутывает, и ты паришь в облаках. Пределы его не ощутимы, можно и вовсе затеряться и предаться раздумьям, о чем угодно. И прямо там, где небо уступает место долине, раскинулась многоцветная мозаика земельных наделов, которая переливается от желто-соломенного, цвета спелой пшеницы, до насыщенно-зеленого, цвета виноградных листьев на макушке лозы. То там, то здесь вкрапляются темные пятна высокоствольных деревьев, которые вдвойне выделяются тенями своих же крон. Все это вырисовывается на мягких, волнистых просторах, где-то ровных, а где-то лежащих на

прелестных возвышенностях, на вершине которых непременно виден замок. У подножий возвышенностей маленькие средневековые селенья со своими церквушками, с кладбищами за околицей и оросительными каналами дополняют удивительную буколическую картину. Это образ старины, которая отныне ушла в далекое прошлое, настолько давнее, что целиком и полностью его порой уже и не осознать. Узкие грунтовые дороги бегут среди полей, будто нарисованы от руки, и образуют превосходный переплет, способный соединить село с селом, как огромная паутина. Сельские дома, будто узелки этой паутины, выстроены как правило из неотесанного камня, они стоят ориентирами путникам, влекомым простотой жизни, которая еще сохранилась в этих тихих селах. Дома предстают огромными и величавыми и отличаются красотой, присущей французским домам XX-го века, благодаря камню, из которого они выстроены, никогда не блекнущим тонам, широким затемняющим ставням, деревянным окошкам на петлях из кованого железа, которые регулярно подкрашивают неяркими эмалевыми красками пастельных оттенков. По стенам многих домов густо взбирается плющ и дотягивается до коньков характерных остроконечных крыш, на которых виднеются роскошные слуховые оконца. Я представляю себе какую панораму можно увидеть из тех окон – последний взгляд на вечернюю долину перед сном или первый ее вид поутру, сладостно пробудившись. Ветки плюща дорастают порой до самых окон и растут вдоль стен, летом они крепко обвиваются вокруг многочисленных дымоходов, а зимой, когда топят печи, отсыхают. На стенах, не затянутых плющом, природную краску северных фасадов дополняют свежие пятна густого мха, он похож на суровые заплатки на старом мятом платье. Или часто гордо возвышается над разостлавшейся травой, над красными маками и плотными кустиками лаванды многоцветие роз, цикламенов, глицинии и жасмина. Ароматное и все также заботливо ухоженное разнотравье дополняет облик садов простецких, но в то же время успокаивающих и свежих. На лугах свободно пасутся лошади и быки, с овцами и козами они не смешиваются, тем больше нравится сгрудиться гуртом и тянуть время, стоя на одном месте и похрумкивая время от времени сочные травинки. Если остановишься рассмотреть их получше,

он отвечают ленивыми, сонными взглядами, веки прикрыты, головы поворачивают еле-еле, в глазах скука, до вашего присутствия им дела нет, никакой угрозы или нависшей опасности они не ощущают. Естественно, конец им придет такой же, как их собратьям, заключенным в овчарни и тесные загоны, но, несомненно, уровень их жизни нечего и сравнивать с жизнью сородичей-арестантов. Вот почему многие говорят, что их мясо вкуснее. Время тут словно замедлило ход, стали размереннее каждодневные ритмы и эмоции. Осознание, что и у нас есть свои печали рассеивается и мозг сосредоточивается на чем-то неопределенном, почти нереальном в материальном мире. Я останавливаюсь и сморю на поля, дотягиваюсь взглядом до пределов видимого, вижу линию горизонта. Дальше чувствам моим путь закрыт потому, что далее не видит глаз, но мое сознание преодолевает пределы и мгновенно рисует передо мной неощутимый облик простирающегося в дальнюю даль пейзажа. Среди этих просторов я чувствую себя малюсеньким, но все же ощущаю уверенность и душевную удовлетворенность, испытывать которую в жизни мне приходилось нечасто.

В Бургундии мы с женой решили провести несколько отпускных дней, отдохнуть и немного отрешиться от громохання города. Насколько же здесь все по-другому. В городе меня охватывает порой желание уехать. Обыденные места надоедают мне как самый докучливый зуд, встречи с людьми не особо радуют, и охватывает желание уединиться: вроде как примириться с городом снова я смог бы лишь через отсутствие его шума и его обитателей. В такие моменты я часто пытаюсь сосредоточиться на крохотной детали пейзажа: начало горной тропинки, окно дома, выходящее на лужайку, скамейка, стоящая подле сельского родника. Я слышу, как шумы превращаются в музыку, сливаются воедино и вливаются во вселенский концерт, в тот же концерт, в котором человеческий голос может снова превратиться в пение, а не напирать варварски, добиваясь первенства вездесущности. Гуляя по городу в те дни, когда я его терпеть не могу, человеческое присутствие мне кажется нахальным из-за количества особей и из-за ажиотажа. Я улавливаю, как они, запыхавшись, бегут неизвестно куда; это признак отчаяния, недоброго отчаяния, которое готово

протолкаться вперед даже ногтями или оружием. И тогда я не могу не ощутить, что рожден и предназначен жить в другом месте, будь то начало горной тропинки, окно дома с лужайкой или скамейка подле сельского родника, не важно: в любом случае, я говорю о таком «другом месте», где голос может вновь зазвучать как песня, мой голос.

Ехали мы к небольшому домику возле Бургундского канала где-то посредине всей его длины; домик, обращенный к каналу, принадлежал сторожу одного из многочисленных шлюзов и стоял в деревеньке *Жиссе-сюр-Уш*. Мы хотели тишины, отдыха, хотели удалиться от хаоса городских улиц, мы искали самих себя. Пейзаж открывался перед нами концертом красок, сверкающих в лужах солнечных бликов и совершенно завораживал нас. Возвращаться к городской жизни будет трудно, это мы уже понимали, даже еще не вкусив этого местечка. Но самое прекрасное было еще впереди, оно всеильно предстало у нас перед глазами, заполнило наши сердца и полностью завладело нашим вниманием. *Жиссе* – это деревушка из кучки домов, большинство домов каменные – громкое эхо Средневековья. Из общественных зданий с главной дороги виднелись только муниципалитет, школа да церковь с прилегающим кладбищем. В единственном ресторане, совсем небольшом, предлагали туристическое меню по установленной цене только в отдельные дни недели, исключая субботу и воскресенье, по вечерам очень редко. Никаких магазинов, даже продуктовых. Здесь тоже на лугах свободно пасся скот, в небе порхали птички, выписывая широкие круги и петли, они плавно снижались и вновь взлетали ввысь как танцоры, ведомые чисто исполняемыми нотами классической мелодии.

Мы доехали до околицы и свернули на узкую грунтовую дорогу, каменистую и усыпанную щебнем, дорога было настолько узкой, что две встречных машины вряд ли смогли бы разъехаться. На дороге было полно больших глубоких ухабин, в некоторых, где вода не впитывалась, стояли лужи; дорога шла вдоль канала, который протекал по левую руку и на котором мы заметили несколько небольших барж, плывущих вперед. Люди на баржах весело смеялись, разглядывали берега, изображая на лицах

насыщенные фольклором взгляды, кожа на их лицах ясная и эластичная, молочно-белого цвета, кое-где чуть розоватая, на щеках яркий румянец. Мужчины щелкали фотоаппаратами, жевали ломтики тартинок и жадно потягивали вино из высоких стеклянных бокалов. Наверное, вино уже начинало оказывать свое действие. Пожилые женщины сидели, развалившись и расставив ноги, на деревянных скамьях с железными ножками, прикрепленных к палубам барж. Или на шезлонгах с полотняными спинками (там, где они имелись) бежевого цвета. Дети лизали мороженое, прижавшись к матерям, личики их отчасти прятались под разноцветными кепочками, чтобы не жгло солнце, и чтобы скрыть смущение от любопытных взглядов спутников. Создавалось впечатление, что они вкушают беспредельную свободу или что-то подобное, беззаботность, как будто они неотделимы от окружающей среды, будто слились с нею. Каждодневные жизненные передряги словно даже не касаются их, как будто в жизни проблем у них никаких нет, как будто их и быть не может. Помимо французской речи было слышно, как говорили также по-немецки, по-английски и по-испански. Не было ни одного итальянца или, по крайней мере, в эту минуту никто не говорил по-итальянски. К тому же, лиц с типично итальянскими чертами среди пассажиров не замечалось. Проплывали баржи совсем близко от нас, и пассажиров мы отлично видели, могли даже рассмотреть изъяны на лицах. Мы стояли и смотрели, как баржа колыхается на воде, везя по течению веселую компанию. Оглушающего шума работавших двигателей слышно не было. Баржа будто скользила, гонимая силой одного лишь ветра. Мы выключили машину специально, чтобы полюбоваться и запечатлеть картину, и через опущенные стекла влетали звуки людского смеха, разговоров и симфония пения птиц, которые населяли просторы по правую сторону дороги. С той стороны все огромное видимое пространство было покрыто зеленью. Обрамляли его холмы более темного и насыщенного зеленого цвета, их будто раскинули там именно затем, чтобы не сразу раскрыть красоту, которая простирается позади них.

– Здесь все настолько невероятно! – произнесла Соня полным радости и осязаемого возбуждения голосом, глаза ее светились

таким живым светом, равного которому я не замечал давненько. – Будто другой мир! Будто мы свернули на эту дорогу и пересекли границу между тем, что есть на самом деле, и тем, что наоборот может привидеться только во сне. Неопишимо, я счастлива! – сказала она.

– Все настолько реально и в то же время настолько невероятно! Цвета, звуки, ароматы и пейзажи. Будто всему есть свое место, свое расположение настолько точное, что, если поменять какой-нибудь запах, предмет покажется изолированным, словно «не там». Все вписывается в картину, которую мы сейчас смотрим, и будто подписана она автором, существом вышестоящим и опытным, и не находишь никакого способа улучшить то, что предстает совершенным уже с самого начала. Я тоже счастлив!

Я повернул ключ зажигания, завел машину и улыбкой пригласил жену ехать дальше к нашему уже недалекому месту назначения, к дому при шлюзе 34с. Мы ехали, а деревья у нас за спиной сужали зеленый туннель словно опускался театральный занавес по окончании спектакля.

ГЛАВА 2

ГЛАВА 2

«Сумасшедший», – говорят о нем одни.

«Строит воздушные замки», – говорят другие.

«Как может он доверять тому,

что лишено логики?» – недоумевают третьи.

Но воин ... продолжает прислушиваться к голосу

ветра и беседовать со звездами.

[Пауло Коэльо – Книга воина света]

Домик был маленьким, стены выложены из необработанного камня. Наклон скатов крыши с обеих сторон дома был значительным. Это надо было затем, чтобы зимой легче соскальзывал снег, чтобы не образовывалось тяжелых льдин, они опасно навалились бы на деревянные балки, которые было видно и в комнатах. Хозяев дома – они же сторожа – звали Урс и Дорис, очень дружная пара. Они поделили дом на две части, в той, что побольше жили сами, а вторую сдавали туристам внаем на отпуск. Обстановка в доме была простой, но все необходимое было: маленькая гостиная с кухонным уголком, кухонька со всеми принадлежностями и прекрасно оснащенная всей нужной посудой, кастрюлями и вилками-ложками в большом количестве, удобный диван, отдельный туалет, очень компактный, но с просторным душем. Спальня была на самом верху на антресольном этаже. Вела туда прочная внутренняя лестница. Имелась там уйма электроприборов и нужных, и ненужных, было радио, телевизор со спутниковым телевидением, даже беспроводной выход в Интернет. Все это казалось почти что не к месту в обстановке на первый взгляд

такой простенькой, деревенской, близкой к природе и минималистской. Я не смог не оценить все эти удобства, которые давно уже властно вошли в мою жизнь горожанина, но все же дал себе слово пользоваться ими лишь при крайней необходимости. Мы искали абсолютного покоя, хотели отрешиться от излишков, погрузиться в природу. И уж, конечно, не собирались тратить драгоценное время, повторяя хаотические будничные жесты. Снаружи дом не был окружен цветами или растениями, какие встретишь в изысканных садах. Наоборот, вокруг дом был окрашен пятнами неярких расцветок, которые даровали цветы и дикие кустики, красные маки и еще какие-то элегантные цветки ярко-оранжевого цвета, белые и фиолетовые колокольчики, которые взбирались по стенам и стелились по земле, они были такими красивыми и их было так много, что нам приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не потоптать, когда мы проходили. Тут были травы и кустарники, которые, проклюнься они в саду моего городского дома, я, бесспорно, повырывал бы, потому что взгляду поверхностному они показались бы не подходящими или некрасивыми. На этих цветках неповторимых форм просматривались прожилки, а на нежных, бархатных на ощупь лепестках оттенки разных цветов. А то, как они колыхались, как они склонялись, отдаваясь зову ветра, делало их похожими на танцоров, получивших уроки у великого учителя. Все это завораживало нас, околдовывало каким-то колдовством, гипнозом. Отчего все это происходило только здесь и только в этот момент? Уж колокольчиков-то да маков нам довелось повидать в жизни, отчего же я никогда не замечал какие они прекрасные, нежные и элегантные? Я осознал насколько глубока моя поверхностность и порядком расстроился. А на углу дома росла великолепная роза ярко-красного цвета, лепестки у нее были мягкие как ценнейший бархат, она источала аромат, который обволакивал целиком и сводил на нет другие ощущения. У нас в распоряжении было два велосипеда, без них не обойтись, если не хочешь ездить на машине.

Урс и Дорис рассказали нам, что есть в окрестностях и какие имеются достопримечательности, потом они оставили нас одних, чтобы мы обустроились, и пригласили нас на

приветственный аперитив вскоре после обеда. Окружавшее нас безмолвие можно было потрогать руками, безмолвие почти тягостное, видимое прямо воочию, к такому безмолвию мы не привыкли. Я взглянул на жену и сделал знак прислушаться. Слышалось непременно щебетание бесчисленного количества всяких птиц, тихое журчание воды в шлюзе позади нас – таким образом регулируют уровень вод в канале, – приветствия, которыми обменивались хозяева с прохожими, а на втором плане шелест колыхаемой ветром листвы.

Шлюзов на канале много, на каждом перепаде уровня воды обычно в несколько метров. При каждом шлюзе стоит дом, где живет сторож, который открывает и закрывает шлюз каждый раз, когда по каналу проплывает баржа. По сей день открывают и закрывают шлюз вручную, повторяя те же жесты, что повторяются извечно вплоть до наших дней. Сам шлюз есть герметичная емкость, вытянутая в длину, но очень узкая по сравнению с шириной канала, то есть, это выкопанный в грунте котлован, выложенный камнем для укрепления земляных стенок, иначе их размыло бы водой. Уровень воды в емкости поднимается или опускается, чтобы баржи смогли заплыть, их поднимают или опускают на нужный уровень, равный уровню в той части канала – вверху или внизу – куда направляются баржи. Мне показалось, что пассажиры на баржах наблюдают за всеми действиями очень внимательно, как будто открывать и закрывать шлюз приходится им самим. Несмотря на попытки французского правительства автоматизировать работу шлюзов, администрация канала и работающие на нем люди всегда старались – и с успехом – сохранить проведение работ вручную, что по сей день туристы очень ценят и чем любят.

Урс и Дорис позвали нас на аперитив и пригласили присоединиться к ним за стол, который они поставили со стороны шлюза. Отсюда открывался великолепный вид, взглядом можно было свободно охватить канал, пьянивший своими живописными красками, блики деревьев с многочисленными деталями, которые расписывали водную гладь, цветы и кустарники на берегах. Посреди канала по зеркалу воды плавали гуськом утиные семейства, порой шли

зигзагами. Нередко, когда проплывали баржи, уточки сворачивали к берегу, ждали, когда баржа пройдет, снова выстраивались вереницей и плыли дальше, увязавшись за баржей. В глубинах канала водится много крупных рыб, разглядеть их с берега нелегко из-за мутной воды зеленоватого цвета. Рыбины безусловно привлекают компании рыбаков, которые регулярно усаживаются на тропинки вдоль берегов, кто-то опытен и хорошо оснащен, а кто-то неопытный новичок, вооруженный лишь удочкой да сачком, но все с общим намерением принести домой большущую рыбу и отведать ее на ужин в одиночку или с семьей, приправив ее каким-нибудь смачным французским соусом, запивая хорошим вином и закусывая длинным батоном. Рыбаков виднелось много, они сидели рядами как солдаты в строю, одни ждали более сосредоточенно, другие расслабились, почти клевали носом. Машины они оставляли неподалеку от того места, где усаживались рыбачить, стекла непременно опускали. Напротив церкви несколько холмиков образовывали вполне преодолимый рубеж, высота холмиков была невелика. Но на окружавшем их пространстве никаких домов или строений, отличных по виду, форме или предназначению не замечалось. В нескольких шагах от берега, противоположного нашему, довольно бурная речушка наполняла окрестности звонким бурлящим журчанием своего потока, который слегка огибал большие камни, разбросанные в русле. С деревьев, стоящих по берегам, в воду падали листья, они вертелись чуток на воде и устремлялись, гонимые течением, вниз по речке. Камни, огибаемые элегантными, округлыми и гибкими движениями, встречали листочки удивленно и молчаливо, не имея возможности остановить или хотя бы замедлить их бег. Настоящий танец!

Шли первые полуденные часы, солнце высоко в небе жарко грело, но было не душно. Несмотря на канал поблизости, влажность воздуха была минимальной. Урс по своему обыкновению широко улыбался. Он пригласил нас за стол и извинился, сказав, что оставит нас одних на несколько минут, пойдет приготовить аперитив. Из дома через небольшое приоткрытое окно доносился глухой стук ножа, которым орудовала Дорис, она резала на кусочки сыр и подсушенный

хлеб, политый оливковым маслом и посыпанный специями. Судя по звуку, нож ударялся о кухонную доску из необработанного камня, стучал он так размеренно, что казалось будто работает машина, а не человеческая рука. Мы с женой молча посматривали друг на друга, мы пребывали в глубокой дремоте, всецело расслабились. Мы приехали сюда всего лишь два часа назад, а казалось, что связь с городской жизнью полностью прервалась, казалось, что тот мир уже не наш.

– Все это и вправду существует? Может я сплю? – тихо произнесла Соня, чтобы не услышали хозяева, но они все равно не поняли бы наших слов.

– Это невероятный мир, я думал, что он уже затерялся в веках, а он раскинулся здесь перед нашими глазами со всем своим богатством мелочей. Добавлять нечего. Давай наслаждаться всем этим, любовь моя. Всем и только для нас, – ответил я, сжимая ее руки в своих ладонях.

Из дома вышел Урс, он нес в руках две бутылки, в одной было белое вино, а в другой, откупоренной заранее, было довольно густое вино очень насыщенного красного цвета. Он объяснил нам, что это настойка из ежевики, сделанная у него в поместье, настойка очень крепкая. Обычно ею «разбавляют» другие вина или добавляют в коктейли, аперитивы и сладости. Пьют так как есть ее редко еще и потому, что на вкус она кисловата. Урс налил в бокал сантиметр настойки и долил белого вина, получилась смесь очень похожая на розовое вино. Терпкий, но очень приятный вкус почти не менял крепости настойки, она лишь слегка смягчалась гораздо меньшей крепостью белого вина. Из дома вышла Дорис, она триумфально несла поднос, полный кусочков сыра и хлеба, которые приготовила несколько минут назад. После ритуальных приветствий мы принялись смаковать все, мы полностью отдали себя во власть вкусов, ароматов, нежного и ненавязчивого пения птиц, шелеста листвы на деревьях, ветер раскачивал кроны и, освежая воздух, делался все приятнее. В небе появились небольшие белые облачка – а до этого оно сияло голубизной – и поумерили его совершенно безграничное одноцветие. Беседовали мы о многом, о нашей

городской жизни, о нашей работе. Урс и Дорис немного рассказали о своем прошлом, поведали о путях и сделанном выборе, которые привели их в этот рай. Состояние их душ, ведомое их словами, проникало нам в самое сердце. Они любили это местечко, ощущали себя его неотъемлемой частью. Это подтверждалось каждую секунду – и подтвердится в последующие дни – светом, которым светились их глаза, их улыбками и радостью, которую они проявляли в любой ситуации. Они жили настоящей жизнью, жизнью полноценной в своей простоте. Я никогда не забуду картины, которая огнем отпечаталась у меня в голове, когда я смотрел на Урса. Он сжимал пальцами ножку стоящего на столе налитого до половины бокала. Взгляд его был устремлен к горизонту, он слегка улыбался мыслям, которые в тот момент возникали у него в голове. Мысли, несомненно, умеренной важности, далекие от каких бы то ни было проблем. В бокале солнце рисовало солнечных зайчиков и тени, которые от движений руки колыхались вместе с вином. Урс подносил бокал ко рту, даже не глядя на него, он был полностью, почти отрешенно погружен в свои мысли. Напротив Дорис болтала без устали, прерываясь только, чтобы затянуться сигаретой, которую она размеренно курила. После аперитива мы распрощались и поблагодарили их, мы вернулись в дом немного отдохнуть в ожидании вечерней свежести. Всего за один день у нас накопилось так много эмоций, что мы переживали их и ночью в наших снах.

ГЛАВА 3

ГЛАВА 3

Дружба есть один из даров, которое небо ниспослало человечеству.

«Горы не сходятся, но сходятся люди.»

[Самбуру, Кения]

В дружбе рушатся преграды, которые чаще всего держат некоторых людей взаперти в их маленьких клетках. Среди друзей секретов нет: «Если любишь, наготы не стыдишься.»

[Монго, Д.Р. Конго]

Непроглядная ночная тьма уступила место бледным лучам робко наступающего рассвета. Первые проблески света из невидимого источника, которые тянулись всего лишь от белизны взбиравшейся по холмам зари, с трудом пробивались сквозь густые кроны деревьев. Тонкая и равномерная пелена стелющегося тумана как простыня покрывала пшеничное поле, чуть влажное от утренней росы. Создалась атмосфера, присущая североевропейским пейзажам, таким, какие часто можно увидеть на открытках и в фотоальбомах. Около шлюза никого не было, а сброс воды через водосливные желоба был установлен на минимум. Тем утром легкий ветерок неустанно освежал воздух и медленно поднимал туман, пока тот не рассеялся. Освобожденные от росы нежные колосья золотистой пшеницы сияли под лучами солнца, которое уже свободно стояло высоко в небе. Было всего лишь семь утра, но сдавалось, что солнце всходит медленнее по сравнению с тем, что я отмечал по моим миланским утрам. На тропинке напротив двери дома попрыгивал туда-сюда дикий кролик. Наверное, ищет чего бы поесть, подумал я. Я взял из холодильника маленькую морковку и положил ее на землю перед дверью, на полянку у дорожки.

You've Just Finished your Free Sample

Enjoyed the preview?

Buy: <http://www.ebooks2go.com>